

1. Не установлена механическая лебедка, крайне необходимая при постановке и съемке буев. В данное время буи поднимаются на палубу ручной лебедкой, имеющей слабую конструкцию, плохую передачу, ручной тормоз работает плохо, стрела при подъеме буев прогибается (4).

2. Не оборудованы электрические кипятильники и баня, в результате чего на судне создаются антисанитарные условия, также на судне необходимо наладить отопление на м/б «Гидрограф».

3. Так как в осеннее время экипаж судна вынужден спать в спальнях мешках вследствие низкой температуры воздуха в каютах и кубрике. В экспедиционном кубрике воздух насыщен парами нефти в продовольственном трюме, в результате чего продукты приобретают запах нефти. Для высадки на берег по обслуживанию огней и береговых партий необходимо м/б «Гидрограф» снабдить палубным катером, который также необходим для обеспечения горения огней на Ямальском баре. Бар часто имеет глубины меньше чем осадка моторного бота «Гидрограф» и л/с «Штатив», эти суда без наличия катера вынуждены ожидать значительное время для зажигания огней на баре» (5).

Делая вывод можно сказать, что информационное значение данного документа является достаточно высоким, так как источник позволяет подробно проследить ход исследовательской работы в акватории Обской губы, позволяет рассмотреть, какой флот использовался экспедицией, какие нормы ставились перед личным составом, с какими техническими трудностями столкнулись участники экспедиции.

Как исторический источник данный документ, конечно, не дает полной информации о деятельности членов экспедиции и личностных характеристик ее участников, но он позволяет расширить взгляд на научно-исследовательскую деятельность на территории СССР.

1. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика : Учебник / А. К. Соколов, Ю. П. Бокарев, Л. В. Борисова и др. / под ред. А. К. Соколова. М. : Высшая школа, 2004.

2. ГАЯНАО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

3. Там же. Л. 9.

4. Там же. Л. 10.

5. Там же. Л. 11.

Л. В. Садовникова
ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О КАМЧАТКЕ КАРЛА ФОН ДИТМАРА
(перевод с немецкого)

Заслуги известного немецкого ученого и путешественника Вольдемара Фридриха Карла фон Дитмара, российского геолога и автора популярного очерка путешествий «Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 годах», который он опубликовал только через 35 лет после своего возвращения, давно признаны и высоко оценены в научных и просветительских кругах.

Изыскания Дитмара широко использовались учеными и в конце XIX, и в первой половине XX в. Они не потеряли свою значимость и по сей день.

Но для Дитмара как ученого с уже известным именем и непосредственного участника экспедиций этого было недостаточно. Свойственный ему научный и аналитический подход заставляет привести свои наблюдения в некую систему.

Второй том книги (1), в котором даны общие сведения о Камчатке, был представлен на рассмотрение Академии наук 28 апреля 1893 г. (уже после смерти Дитмара). Как известно, Дитмару не удалось завершить вторую часть монографии. Вдова Дитмара передала незаконченную рукопись его университетскому другу Леопольду Ивановичу Шренку, который, кстати сказать, и посоветовал Дитмару упорядочить материал. Книга была впервые издана в 1900 г. в Санкт-Петербурге (т. е. через 10 лет после публикации I тома) и отпечатана типографией Кайзеровской Академии наук на немецком языке.

Вот предисловие Карла фон Дитмара ко второму тому:

«После публикации отчета о ходе совершенных мною путешествий по Камчатке в 1851–1855 годах (в докладах к сведению Российской империи, серия 3, том VII) в форме дневника, считаю необходимым с целью обзора еще раз свести в одно целое накопленные мною во всех этих путешествиях знания и наблюдения с тем, чтобы объединить аналогичную и относящуюся к одним и тем же объектам наблюдения информацию и получить четкую картину событий того времени. Форма путевых заметок при всех ее достоинствах, естественно, не может дать такой связанной друг с дру-

гом и принадлежащей к одним и тем же областям науки классификации. Она, пожалуй, дает правдивую яркую картину и непосредственность увиденного, услышанного и пережитого, но зачастую одни и те же события через какой-то промежуток времени представляются совершенно разрозненными и нередко разрывают связь общей картины.

К тому же современные публикации отличаются своей недосказанностью, и поэтому я готов дать некоторые пояснительные сведения по темам, которые не нашли отражения в моих дневниках, а заимствованы из различных заметок, писем, канцелярских бумаг, карт и литературных фрагментов. Наконец, я не хотел бы обойти стороной общие впечатления о стране и людях, которые я лично получил в период моих путешествий.

Таким образом, весь собранный мною научный материал о Камчатке я объединил в законченные темы или предметы, которые я намереваюсь продемонстрировать читателю в следующем порядке» (1, с. 11).

Содержание:

Глава I. Положение, границы и размеры Камчатки

Глава II. Горизонтальное членение Камчатки

Глава III. Вертикальное членение Камчатки

Глава IV. Гидрологические условия Камчатки

Глава V. Заметки о климатических условиях Камчатки

Глава VI. Растительно-географические примечания

Глава VII. Примечания о животном мире

Глава VIII. Исторические заметки

Приложение 1. Географический словарь (около 500 наименований: названий географических объектов (мысы, горы и т. д.) и населенных пунктов с подробными примечаниями)

Приложение 2. О коряках и весьма близких им по происхождению чукчах.

Приложение 3. Герхардт фон Майдель. Путешествия и исследования в Якутском округе Восточной Сибири в 1861–1871 годах, 1894. Глава 4. Из устья реки Анадырь в Нижне-Колымск. Примечание.

Кроме материалов, принадлежащих К. Дитмару в издании опубликованы:

Эссе Эрки Таммиксаара «Карл Дитмар – исследователь Камчатки» (перевод на русский язык им же); статья Эрки Таммиксаара «Герхардт фон Майдель» (биография и научные результаты его экспедиции) (перевод на русский язык не найден).

В конце книги дан предметный указатель, который имеет отношение и к I тому.

Исторические заметки, изложенные на 35 страницах II тома «Поездок», позволяют освежить в памяти годы открытия и освоения нашего края, а главное, узнать мнение известного ученого о тех или иных событиях.

Дитмар указывает источники информации: «Изложенные в самых общих чертах даты о ходе событий завоевания Сибири взяты из истории Сибири Иоганна Эберхарда Фишера (Санкт-Петербург, 1768 г., 2 раздела). Последующая информация основывается на открытии и присоединении Камчатки, при этом я полагаюсь в качестве основного источника на труды Герхарда Фридриха Мюллера (Собрание русских историй, тома 1–9, Санкт-Петербург 1732–1764) и позднее на труды Стеллера, Крашенинникова, Палласа и Кокса» (1, с. 93).

Возможно, большой ценности для науки его исторические заметки сегодня не представляют. Тем более, что еще в 1869 г. в журнале «Морской сборник» был напечатан «Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 гг.» А. С. Сгибнева, в котором описываются практически те же самые события и даже более подробно, чем у Дитмара. Это наводит на мысль, что авторы, описывая события независимо друг от друга, использовали одни и те же труды известных путешественников, архивные материалы и другие документы. В настоящее время написано огромное количество книг, очерков, научных публикаций, исследовательских работ, которые способны дать ответ на практически любой вопрос, связанный с открытием и исследованием Камчатки. Однако исторические заметки Дитмара отличаются строгой последовательностью событий с указанием дат (день, месяц, год), имен путешественников, правителей Камчатки, научных экспедиций и т. д., начиная с первого похода Ермака Тимофеева (1578 г.), вплоть до 1855 г., когда Камчатка становится губернией, а адмирал Василий Степанович Завойко – ее первым губернатором.

Свое описание событий Дитмар начинает словами:

«Следует отметить и чего ранее в мировой истории практически не наблюдалось, это то, с какой быстротой и поспешностью была завоевана и захвачена Россией огромная Сибирь. Стрем-

тельное завоевание осуществлялось не регулярной армией, а в большинстве своем дикими оголтелыми шайками, гонимыми алчностью и наживой, смелыми и не страшась никакой опасности, которые сливались по всей стране в большие и маленькие банды, захватывали земли то путем смерти и насилия, то путем хитрости и подарков, подавляя мирные народы, и только изредка натываясь на серьезное сопротивление... За 200 лет Российское государство завоевало всю необъятную Сибирь вплоть до океана и амурского материка, причем с относительно небольшими потерями: и в деньгах, и в человеческих жизнях. Но огромная территория была пустынной и безлюдной. Частники наживались, а государство извлекало лишь незначительную пользу, и до сегодняшнего дня правительство ставит перед собой задачу заселить, цивилизовать и освоить далекую землю» (1, с. 92–93).

Думается, что Дитмар и сам объясняет причину того, почему освоение Сибири и Дальнего Востока принадлежит именно России:

«Для путешествующих тогда на кораблях важнейших наций: голландцев, англичан и испанцев, территории, о которых шла речь, были слишком далеки, им только и удавалось, что с трудом и всевозможными опасностями добраться до них. Петр I, чья империя в то время стремительно увеличивалась вплоть до еще неизвестных земель, выказывал не только желание, но даже обещал взять дело в свои руки; таким образом, решение этого чрезвычайно важного вопроса выпало на долю Российской империи и ее энергичного царя» (1, с. 110).

Правда, администрирование на местах, по мнению Дитмара, явно пробуксовывало, и некоторые научные открытия, которые были сделаны значительно раньше, долгое время оставались неизвестными.

Вот один из примеров:

«Когда царь Петр I, побывав в Голландии в 1717, “подогрел” себя решением географического вопроса, а именно, связана ли Азия на Дальнем Востоке с Америкой, т. е. разделены ли оба континента проливом, ни он и никто другой в научном мире еще не знал, что этот вопрос был полностью решен еще полвека назад во время морского путешествия казака Дежнева в 1648 г., и что этот умный моряк как раз тогда переплыл этот Анианский пролив. Доклад Дежнева лежал в архиве Якутска, оставленный без внимания, и, наверное, потерялся бы там, если бы Мюллер случайно не обнаружил его в 1736 г. Якутское правительство по своей небрежности и глупости не сделало ничего, чтобы послать известие об этом особо важном открытии в Москву, и таким образом это явилось причиной того, что многозначительное открытие еще более полвека оставалось не только неизвестным научному миру, но и понадобилось снаряжать грандиозные, дорогостоящие и рискованные экспедиции, чтобы установить, собственно говоря, уже известную истину.

После возвращения Петра I из Голландии в Санкт-Петербург созрели планы относительно первой камчатской экспедиции. Петр I назначает руководителем экспедиции датчанина капитана Витуса Беринга и отдает следующие распоряжения:

- 1) В Камчатке или в другом удобном для этого месте построить 2 крытых корабля;
- 2) На них исследовать северное побережье с целью обнаружения связи между Азией и Америкой;
- 3) Точно исследовать все страны в этой местности и вести об этом подробные дневники.

К сожалению, в январе 1725 г. Петр I умер и поэтому не смог сам лично послать экспедицию, однако его супруга императрица Екатерина I осуществила этот план» (1, с. 110–111).

«В истории всех стран и народов, – пишет Дитмар, – встречаются такие этапы, когда развитие и прогресс рассматриваемой страны и народа особенно бросаются в глаза; это произошло и с Камчаткой. Год 1716, когда был найден и открыт морской путь из Охотска в Камчатку, был одним из таких периодов. Наконец-то можно было отказаться от утомительного, отнимающего много времени и даже опасного пути по суше из Якутска через Колымск или Пенжину и Анадырск, но этот более короткий и во всех отношениях удобный путь через Охотск долгое время “топтался” на месте, и вот настало время более быстрых и легких цивилизованных мер для его осуществления; кроме того, необходимо было отказаться от жестокого утверждения власти во времена открытий и дать место более милосердным, упорядоченным нравам и быту. С остатками последствий человеческого варварства, которое зачастую переходило в зверство, по крайней мере, с его грубейшими формами, в период Камчатской экспедиции 1728–1743 гг. было практически покончено. Известность получила не только вся Камчатка от ее самого крайнего севера до мыса Лопатка, так как ее исходили и изъездили вдоль и поперек, но были исследованы и прилегающие моря, находящиеся в них острова и сопредельные побережья» (1, с. 116).

«Во времена Крашенинникова в крае насчитывалось 5 острогов, а именно:

1) Большерецкий, на северном берегу реки Большая, между реками Быстрая и Гольцовка, в 33 верстах от моря. 70 футов, разделенные на четыре части. На севере и востоке – свайный ростверк, на юге и западе – строения; на западе – ворота. Часовня, которая позднее стала церковью (Святого Николая), колокола на столбах, 30 домов, винокурный завод и трактир. 45 казаков и их 14 жилищ. Главнокомандующие живут здесь. Мало древесины. Судходство. Лов бобров (вероятно, на Курильских островах). Много дождя. Много рыбы.

2) Верхнекамчатск. Старейший острог; здесь раньше проживали главнокомандующие; расположен на левом берегу реки Камчатки, в 242 верстах от Большерецка; 17 рутов (старинная немецкая мера длины = 3–5 м и площади $\approx 14 \text{ м}^2$) в квадрате; ворота выходят к реке, а над ними товарный склад. В крепости: помещение для ценных бумаг, 2 складских помещения, жилище священника. Вокруг крепости: церковь, названная в честь Николая Чудотворца; дом главнокомандующего; общественное здание; винокурный завод; 22 частных дома. 56 казаков. Древесина: тополь. Мало рыбы. Благоприятная зима. 397 верст от Нижнекамчатска.

3) Нижнекамчатск. 30 верст от устья реки Камчатки. Крепость 42 сажени длиной, 40 сажени шириной. В ней: помещение для ценных бумаг, церковь Божьей Матери, складское помещение, дом главнокомандующего. Вокруг 39 частных домов, общественное помещение, винокурный завод. 92 человека. Пристань, древесина, рыба, охота. Судостроение. Торговля затруднена, так как все доставляется из Большерецка сухопутным путем; транспортировка одного пуда (16,3805 кг) стоит 4 рубля.

4) Петропавловская гавань. Основана в 1740 году. Бобры, хорошие дома, церковь. Залив Ниакина. Сборщик налогов Елагин. Основан и построен Берингом. Пристань может принимать 20 больших судов. Защищена. Песочный грунт. Глубина 14–18 футов. Вода пригодна для питья.

5) Тигиль. Построен после Крашенинникова» (1, с. 107–108).

Дитмар высоко оценивает роль научных экспедиций в цивилизованном освоении Камчатки, а также утверждение Павлом I в 1799 г. Российско-Американской компании, что укрепляло особое и прочное обладание северо-западными побережьями Америки и Алеутскими островами.

Далее идет перечисление важнейших экспедиций и их руководителей, начиная с путешествия Креницына и Левашова (1768–1769) и до плавания дю Пети-Туара (1836–1839).

«После того как мы отследили исследовательские экспедиции в близлежащих к Камчатке морях вплоть до нашего времени, я должен вернуться далеко назад, а именно к большому восстанию камчадалов (1731), чтобы осветить внутренние, особо касающиеся Камчатки, вопросы, поскольку они были мне известны. При этом я ссылаюсь на старую подробную и содержательную рукопись, найденную в канцелярии губернатора Камчатки, к сожалению, поврежденную и малопригодную, но, которая, тем не менее, служит указателем управляющих Камчаткой административных руководителей.

Когда последний вышеупомянутый сборщик налогов и начальник полуострова казак Шихурдин весной 1731 года покинул Камчатку, чтобы с ясаком вернуться в Якутск, появилась необходимость, с целью надзора и ускорения перевозок товаров, которые нужно было постоянно доставлять для исследовательских экспедиций в Камчатку, особо принять во внимание и развивать Охотск, преобразовать его в город (1732) и создать здесь административную канцелярию, относящуюся, вероятно, к Иркутску и Якутску, но отныне ей подчинялись также Анадырск и три камчатских острога. Поэтому теперь руководителей и сборщиков налогов посылали в Камчатку не из Якутска, а из Охотска, с обязательным утверждением их иркутским губернатором.

Первым начальником, которого в 1732 году послала в Камчатку вновь созданная Охотская канцелярия, был иркутский князь Бейтов. Однако он не добрался до Камчатки и умер во время следования.

В 1733 году на место Бейтова был послан Иван Добрынский, который правил Камчаткой до самой смерти (1735). Отныне резиденцией начальников Камчатки был Большерецк, который, благодаря новому морскому пути, поддерживал самые тесные связи с Охотском и долгое время оставался главным портовым местом полуострова...» (1, с. 118–119).

Таким образом, начиная с 1732 г., Дитмар в краткой и лаконичной форме называет более 30 правителей Камчатки, большинство из которых упоминаются лишь упоминания. Однако некоторые начальники вызывают у него уважение и восхищение.

Так, о Матвее Карповиче Беме (Карл Магнус фон Бем, годы правления 1773–1779) он пишет:

«Бем становится самостоятельным командующим тремя камчатскими острогами, крепостью Тигиль и Ижигинском, Алеутскими и Курильскими островами; укрепляет имеющийся в Кам-

чатке форт и строит в Петропавловской гавани редут. Составляются карты большинства местностей Камчатки и наносятся основные пункты. Бем изыскивает возможность покончить с распространенными венерическими заболеваниями: в Большерецке строится госпиталь, и первым врачом в Камчатке нанимается Робин из экспедиции Беринга. Строится почтовое судно. Энергично занимается земледелием и скотоводством. В Мильково основывается чугунолитейное производство, где плавят добываемую там руду. Бем покровительствует морским перевозкам, ходатайствует о коммерческом банке, навигационной школе и о школе для занятий японским языком, в чем ему отказывают. Готовится целый список пожеланий. В Иркутске испугались столь многочисленных нововведений, и в 1779 году Бем оставляет пост» (1, с. 121).

«В 1780, а вернее 11 сентября 1781 года, командующим Камчатки становится коллежский ассессор Франц Рейнекен, который правит в духе Бема. Он развивает земледелие и животноводство. Ежегодный доход края составляет 24 000 рублей, из них выплачивается жалованье 523 чиновникам. Рейнекен построил форт Акланск против чукчей и коряк, сначала в Палане, но потом и на Аклане. Край был разделен на 2 района: 1. Акланск и 2. Нижнекамчатск.

В 1784 году Камчатка становится самостоятельной областью (выделенная территория) с подчинением Иркутску.

Рейнекен управляет Камчаткой с 1780 по 1784 г. далее его отзывают» (1, с. 122).

С 1813 по 1820 г. Камчаткой правит морской капитан-лейтенант, позднее адмирал Петр Иванович Рикорд. Но его обязанности в течение года исполняет Илья Дмитриевич Рудаков, поскольку Рикорд находится в морских путешествиях с целью освобождения Головнина, о чем Дитмар подробно рассказывает в своих заметках.

О Рикорде Дитмар был очень высокого мнения. Он пишет: «Рикорд был отцом для своих подданных, и в дальнейшем его имя снискало почет... При Рудакове и Рикорде в 1813 году Петропавловский порт стал столицей и резиденцией правителей Камчатки» (1, с. 126).

Высокую оценку он дает и Аркадию Васильевичу Голенищеву (1825–1835). «Многочисленные переселения жителей, особенно с западного побережья реки Камчатки. Основание земледельческого товарищества под Старым Острогом. В 1828 году Камчатка становится свободным портом. В 1829 году строится госпиталь в Малках и Тигиле. Основание Микижина. 1828 год – госпиталь в Петропавловском порту» (1, с. 126).

А вот о правителе Камчатки капитане I ранга Якове Ивановиче Шахове (1835–1838) он отзывается одним предложением: «Беспутный человек, разрушивший все, что сделал Голенищев (разрушение Микижина)» (1, с. 127).

Хочу назвать еще двух правителей, которыми, кстати, и заканчиваются исторические заметки Карла Дитмара:

«1845–1850 – капитан I ранга Ростислав Григорьевич Машин. В 1846 году ввел картофелеводство. В Мильково и Ключах – суконное производство. Библиотека в Петропавловском порту» (1, 127).

«1850–1855 – капитан I ранга, позже адмирал Василий Степанович Завойко. Камчатка становится губернией и Завойко ее первым губернатором. Он отстраивает весь городской район, сооружает несколько каботажных судов в устье реки Камчатка; контролирует торговлю коммерсантов с целью защиты камчадалов» (1, с. 127).

На этом исторические заметки Дитмара обрываются. Многие его записи ограничиваются лишь перечислениями и примечаниями, которые, возможно, в дальнейшем он хотел расширить. Но болезнь, а затем и смерть помешали ему сделать даже заключение, что категорически несвойственно немцам, отличающимся аккуратностью и педантичностью.

1. *Ditmar, Karl. Reisen und Aufenthalt in Kamtschatka in den Jahren 1851–1855. Bd. 2. Allgemeines über Kamtschatka. Herausgegeben von Michael Dürr. Mit Essays von Erki Tammiksaar. Norderstedt: Verlag der Kulturstiftung Sibirien SEC Publications, 2011.*